

Казахско-китайские войны 18-го века: причины и последствия

В истории практически любого народа существуют устоявшиеся стереотипы и штампы. К примеру, принято считать, что в средние века чуть ли не единственным врагом казахов были джунгары. А между тем, после исчезновения с политической карты региона Джунгарии на горизонте замаячила новая угроза – со стороны Цинского Китая. О малоизученных страницах этого периода нам поведал известный исследователь Марал Томпиев. Приводимые им факты были выявлены во время археографических экспедиций отечественных ученых в Монголии и Китае. По оценкам историков, новые сведения позволяют по-иному взглянуть на некоторые прежние представления о казахско-цинских отношениях.

Предпосылки войны

Первая казахско-цинская война пришлась на период правления двух знаковых исторических фигур – богдыхана **Цяньлуня** и султана **Абылая**.

Цяньлунь – шестой представитель маньчжурской династии Цин, умный, коварный и хитрый политик. Он был всего на год моложе Абылая и правил очень долго – в 1736-1796 годы, на которые и приходится пик расцвета и могущества Цинского Китая. Цяньлунь получил прекрасное образование и являлся типичным представителем идеологии конфуцианства. Понятно, что вся его политика строилась на концепции превосходства всего китайского. При этом, по свидетельствам современников, Абылай ни в чем не уступал китайскому богдыхану. Одним словом, это были достойные друг друга противники.

К моменту покорения Джунгарии богдыхан находился у власти уже два десятка лет, имел опыт «умиротворения» племен мяо в Южном Китае и тангутов в Тибете. Когда в июне 1755 года его долгая, местами явная, а местами скрытая игра против Джунгарии закончилась полной победой, Цяньлунь послал к Абылаю посольство с уведомлением о победе и приглашением на торжества в местность Долоногор (Монголия). Казахский султан отправил изощренно вежливый ответ и, по сути, отказался приехать. На дипломатическом языке это означало, что он не признает себя подданным китайского императора.

Осенью того же года развернулись события, которые не могли не бросить тень на взаимоотношения Цяньлуня и Абылая. Авторитетный джунгарский нойон **Амурсана** вторично бежал во владения казахского султана. Как это было уже не раз, последний

отказался выдавать беглеца. Представитель богдыхана несколько раз ездил к казахам, пытаясь отговорить Абылая от поддержки Амурсаны, но тщетно.

Следует отметить, что на этот счет у Абылая были свои виды. Он надеялся с помощью Амурсаны восстановить независимость Джунгарии, но уже под своим контролем. Тем более что у него уже был похожий план. В свое время, находясь в плену у хунтайджи **Галдан Цэрена**, он познакомился с его идеей создания единого союзного государства родственных кочевых народов – казахов и ойратов – для будущего противодействия Китаю и России. Но Галдан Цэрэн не успел осуществить свои замыслы, поскольку заболел и умер. А Абылай, став фактически главой Среднего жуза и испытывая нарастающее давление России и Китая, стал лучше понимать эти не лишние рациональные планы. Тут уместно вспомнить, что в 1752 году он вместе с тем же Амурсаной и Даваца провел вполне успешную операцию по низложению хунтайджи Лама Доржи. Поэтому, когда Амурсана в очередной раз прибыл под его крыло, Абылай решил разыграть «ойратскую» карту. Такими были предпосылки первой казахскоцинской войны.

Новая казахская тактика

В конце мая 1756 года Цяньлунь направил на покорение Среднего жуза два экспедиционных корпуса под командованием монгольских военачальников **Дарданы и Хадахи** общей численностью 10 тысяч воинов. Им был дан открытый приказ найти Амурсану, и тайный – арестовать султана Абылая.

Отряд Дарданы двигался с юга от реки Эмель через Джунгарские ворота, а отряд Хадахи – с востока, переправившись через Иртыш выше нынешнего Усть-Каменогорска. В июне на реке Жарлы (приток Эмеля) войску Дарданы дал бой казахский отряд под командованием **Кожабергенбатыра** и Амурсаны численностью всего около двух тысяч человек. Казахи потерпели поражение, потеряв убитыми 570 воинов (по китайским данным). Одной из причин такого исхода боя были тактически грамотные и согласованные действия маньчжурской пехоты и артиллерии с монгольской конницей. Маньчжурские пехотинцы, вооруженные длинными фитильными ружьями и пушками, а также сибейские и даурские лучники с их знаменитой залповой стрельбой тяжелыми стрелами нанесли серьезный урон казахам.

Абылай понял, что в открытом сражении армию китайцев не победить. И стал заманивать ее вглубь СарыАрки – на летние пастбища, подальше от присырдарьинских городов, на малонаселенную территорию.

В народной памяти еще были свежи воспоминания о нашествии «Ақтабан Шубырынды», когда удар врага пришелся по самым болезненным местам – зимовкам кочевников на побережье Или, Чу, Таласа, Сарысу и Сырдарьи. Именно там было сосредоточено основное население казахов. Теперь же, имитируя отступление и специально проигрывая небольшие сражения, сначала в горах Тарбагатай, затем на реке Нура, казахи заманивали неприятеля все глубже в глухую степь. В это же время сам Абылай, ведя бои против отряда Хадахи, отступил в горы Ку (район Егендыбулака).

Продвигаясь навстречу друг другу, монгольские командиры посылали Цяньлуню победные реляции с перечислением количества убитых и взятых в плен воинов, захваченных лошадей. Именно тогда появилась казахская поговорка: «Қара қытай қаптаса, сары орыс әкендей болар» («Если придут китайцы, русские покажутся роднее отца»).

18 августа года китайские отряды соединились в верховьях Ишима. Затем они повернули на север в направлении летней ставки Абылая в Кокшетау. После объединения китайских отрядов крупное сражение произошло севернее Ишима (недалеко от современной Астаны). В нем казахи потеряли 200 человек и снова были вынуждены отступить.

Китайское фиаско

Китайцы продолжали упорно идти вперед, пока у них не возникли трудности, связанные с продовольственным снабжением, незнанием местности и суровым климатом. По признанию самих китайских командиров, «кругом сплошная глушь, поживиться нечем». Шансы на то, чтобы схватить в такой необъятной глуши Абылая с Амурсаной, таяли с каждым днем. В то же время казахи, обойдя противника с тыла, разгромили и разграбили его тыловые отряды, обеспечивавшие снабжение продовольствием и боеприпасами.

Дардана и Хадаха оказались в очень трудном положении, а тут еще наступили первые морозы. Абылай применил новую тактику – партизанско-диверсионную войну. Мелкие отряды, возглавляемые казахскими батырами, предпочитали внезапные атаки, особенно ночью или на рассвете, когда порох становился сырым, а ружья с пушками – бесполезными. А в рукопашном бою казахам не было равных.

Тем временем в Халхе усилились волнения монголов, вспыхнуло антикитайское восстание под руководством нойона Чингунжава – соратника и друга Амурсаны. Цяньлуню пришлось срочно выводить войска из Джунгарии для подавления восстания в Халхе. Казалось бы, окончательная гибель Джунгарии была отсрочена, но Чингунжав потерпел поражение и ушел в свои родные места на северо-западе Монголии.

Используя этот повод и чтобы не потерять лицо, в сентябре Цяньлунь отдал приказ остановить наступление в казахскую степь и перебросить войско на север Монголии. Преследуя отступающего врага, казахские батыры использовали прежнюю тактику: мелкие отряды наносили болезненные «укусы» китайцам и мгновенно исчезали в степи.

Так, один из китайских отрядов, находившийся к западу от Баян-Аула, попал в засаду и был полностью уничтожен. Место сражения впоследствии назвали «Шуршыт қырылған» («Место истребления китайцев»). В конце сентября во время одного из таких

быстротечных боев ударом копья в бедро был ранен и сам Абылай. Свидетельство об этом оставил русский посланник **Каскинов**, прибывший в улус Абылая для встречи с ним и Амурсаной.

Таким образом, китайский экспедиционный корпус, несмотря на отдельные победы, свою главную задачу не выполнил. Султан Абылай и нойон Амурсана остались на свободе. Партизанская тактика казахов позволила нанести в итоге серьезный урон практически проигравшим войну китайским войскам. Цяньлунь разжаловал Дардану и Хадаху, заодно лишив их всех наград.

Вторая война

После небольшой передышки, уже к концу 1756 года, китайцы начали готовить новое вторжение в Джунгарию и на территорию Среднего жуза. Узнав об этом, Абылай отправил Амурсану в Джунгарию, чтобы раздуть новые очаги мятежа и сковать цинские войска. Совместно с Амурсаной действовали и другие мятежники – его земляк нойон Шерен, а также КазакСары, бывший казахский аманат в Джунгарии, получивший от Галдан Цэрена титул тархана. К началу 1757 года по всей Джунгарии запылали локальные очаги мятежа. Но, к сожалению, ни один из них не смог дорасти до уровня всеобщего восстания. Карательные отряды китайцев сделали свое дело.

Конечно, сопротивление джунгар отсрочило поход китайских войск на казахские земли, но не остановило его. Цинская империя была гораздо более мощной, чем Средний жуз даже вместе с остатками мятежной Джунгарии. И в конце июня 1757 года китайцы опять же двумя колоннами по 10 тысяч воинов, но уже под руководством маршалов **Фудэ и Чжаохуя**, двинулись на захват земель Среднего и Старшего жузов.

Уже в июле в районе Аягоза, у реки Айдын-су(Ай) произошло столкновение отряда Чжаохуя с двухтысячным отрядом султана найманов Абильпеиза. Последний потерпел поражение и, не испытывая судьбу, решил без согласования с Абылаем просить мира. При этом он сообщил китайцам, что Амурсаны у казахов уже давно нет, и обещал подчиниться в обмен на торговый обмен. Отсутствие Амурсаны несколько охладило воинственный пыл китайцев. Тем не менее, казахам предстояла долгая, кровопролитная и бесперспективная война с многоголовым драконом.

На этот раз целью китайцев были не степи Сары-Арки, а густонаселенные земли вдоль Шёлкового пути и Туркестан. Чтобы остановить вторжение врага, Абылай принял непростое решение начать переговоры с маршалом Фудэ. В конце июля в ставку султана прибыли китайские послы **Нусань и Эркешал**. Они настойчиво потребовали от Абылая признать себя подданным Цинской империи, а взамен пообещали полное самоуправление, открытие рынков для торговли и более выгодный по сравнению с Россией торговый обмен.

Между двух огней

Переговоры продолжались два месяца: Абылай под разными предложениями тянул время в надежде на изменение ситуации в Джунгарии и на успешные действия Амурсаны и КазакСары. Но поступающие оттуда новости были неутешительными: китайцы заливали джунгарской кровью очаги мятежа один за другим.

Вскоре стало известно о бегстве Амурсаны в Россию через Семипалатинск и о его смерти в Тобольске от оспы. КазакСары тоже бежал, но в расположение казахского Старшего

жуза. Дольше всех сопротивлялся нойон Шерен, но и он в конечном счете ушел с отрядом в Сибирь, а оттуда на Волгу в Калмыцкое ханство. В такой ситуации Абылай был вынужден вместе с уезжавшими китайскими посланниками отправить в Пекин своих доверенных батыров с письмом, в котором он признавал вассальную зависимость.

Надо признать, что такие же «верноподданнические» письма Абылай отправлял и в Россию. Лавируя между «медведем» и «драконом», демонстрируя свою лояльность то одной, то другой стороне, он фактически играл на противоречиях между Россией и Китаем. Но при этом пытался сохранить фактически независимый статус Казахского ханства и проводить свою политику. Как писал А.Левшин, «меняя союзников, он не менял своих целей».

Узнав о смерти Амурсаны, Цяньлунь сменив гнев на милость, отвел войска от казахских границ и отправил Абылаю грамоту, в которой без его согласия и подписи, в одностороннем порядке, объявил о принятии Среднего жуза в китайское подданство. Казахи были обязаны лишь раз в три года посылать посольство к богдыхану для вручения символической дани.

Возвращение утраченного

Авторитетный бий Старшего жуза **Толе-би**, так же, как и Абылай, прибегал к уловкам и демонстрировал внешнее почтение китайскому богдыхану, но от своих целей вернуть земли Жетысу и Джунгарии не отказывался. Пока Китай разбирался с Джунгарией и Кашгарией, племена Старшего и Среднего жузов продолжали заселять свои бывшие территории в долине Или, в Тарбагатае, на Алтае и в Тянь-Шане.

Отсутствие четкой пограничной линии создавало постоянную напряженность во взаимоотношениях китайских пограничных властей с казахскими племенами. Столкнувшись с тем, что казахи начали заселять долины Или и Прииртышья, а киргизы – земли у Иссык-Куля, китайцы снова ужесточили свою агрессию. Разъездные и карательные отряды стали вытеснять кочевников, нарушителей пытались штрафовать и наказывать.

На этом фоне пышным цветом расцвела коррупция: за определенную мзду офицеры карательных отрядов не трогали те или иные аулы. Так казахи продолжили осваивать территории вокруг озера Алаколь, земли Горного и Монгольского Алтая, а также Джунгарскую равнину.

Абылай задействовал дипломатические каналы и послал в Китай посольство с требованием вернуть Жетысу и Тарбагатай как исконно казахские земли. Ситуация грозила перерасти в третью казахскокитайскую войну.

В 1765 году несколько китайских отрядов двинулись по рекам Или и Эмель для окончательной очистки Жетысу от казахов и киргизов, что привело к военным конфликтам. Но в это же время в Турфане началось восстание уйгуров под руководством Рахметуллы. Китайцам пришлось остановить операцию против казахов и перебросить войска в Турфан.

Необходимость пограничного контроля и хозяйственного освоения Синьцзяна постоянно вынуждала китайцев перебрасывать туда все новые войска, что требовало огромных расходов и мобилизации материальных и людских ресурсов. Таким образом, они физически не могли предотвратить захват территории бывшей Джунгарии найманами,

кереями, уаками, суанами и албанами. И в 1767 году Цяньлунь, решив, что такая игра не стоит свеч, издал указ, разрешающий казахам пользоваться этими землями, и отодвинул свою границу на восток.

«Новая линия» протянулась от западного конца озера Зайсан, через хребет Тарбагатай, через реку Эмель, по Джунгарскому Алатау, верховьям реки Каратал, по реке Борохудзир, через Или, по реке Чарын на восточный берег Иссык-Куля. Она продлила построенную ранее русскую Иртышскую укрепленную линию и замкнула территорию Казахского ханства с востока и юго-востока. Однако эта граница была во многих местах условной, и казахи Старшего и Среднего жузов продолжали самовольно пересекать ее и возвращать свои земли, когда-то захваченные у них джунгарами.

Кони в обмен на шелк и чай

Достигнутое, по словам Абылая, «беспредельное благоденствие» выразилось в окончательном возврате казахами своих земель, захваченных ранее джунгарами, и развитии казахскокитайской торговли. Ведь для завоевательных походов китайцам нужны были лошади, а этот запрос удовлетворяли казахи. Абылайсултан, Абилайсултан, Кабанбай батыр стали инициаторами активного торгового обмена по принципу «кони в обмен на шелк и чай». Казахи пригоняли табуны лошадей и стада овец в Кульджу, Урумчи, Чугучак и меняли их на шелк, бархат, чай, фарфор на более выгодных условиях, чем на русской границе. Казахская элита, пользуясь противоречиями между Россией и Китаем, получила привилегии от обоих государств. В частности, Россия, опасаясь ухода казахов в подданство Китая, старалась привлечь степную элиту новыми льготами и подарками, а простых степняков – открытием новых меновых рынков в Троицке, Петропавловске и Семипалатинске.

Русский историк **Левшин** отмечал: «В наставлениях сибирскому и оренбургскому пограничным начальствам в начале 1762 года предписано знатнейших киргиз-казаков всячески ласкать, щедрою рукою давать им подарки и награждения, а которые пожелают, для тех строить за казенный счет близ границ скотные дворы и сараи»

В 1759 году российские власти даже предложили Абылаю утвердить его в звании хана, но он отказался, сославшись на то, что не может быть им при живом Абилмамбетхане.

Итоги

К концу 18го века, после снижения уровня экспансионистской политики Цинского Китая, спрос на казахских лошадей упал. Обладая монополией на внешнюю торговлю, китайское правительство снизило цены на лошадей и повысило цены на чай и шелк. Это привело к тому, что торговый бум стал постепенно угасать. Раздираемый внутренними противоречиями, а затем подвергшийся агрессии европейских держав, китайский дракон слабел, а русский медведь, напротив, набирал силу. Со временем правительство России перестало опасаться ухода казахов в китайское подданство и стало смелее внедрять колониальные порядки, взяв курс на ликвидацию ханской власти.

Так казахи окончательно вошли в состав Российской империи. Как следствие, казахскокитайская граница дефакто стала границей между Россией и Китаем. Позже русские построили вдоль нее крепости Сергиополь (Аягоз), Капал и Лепсинск.

В итоге, с точки зрения территорий, китайцы остались при своем урезанном Синьцзяне, так и не сумев прибрать к рукам территории Западной Джунгарии, а казахи забрали свои

земли в Жетысу и Прииртышье, но не сумели продвинуться дальше на восток и завладеть всей Джунгарией.

С исторической же точки зрения эти войны помогли казахам сплотиться. Политическое балансирование между Китаем и Россией позволило им на какой-то период получить большие экономические преференции, что тоже сыграло свою роль в укреплении процессов централизации Казахского ханства.

Автор: [Кенже Татия](#)

<https://camonitor.kz/30857-kazahsko-kitayskie-voyny-18-go-veka-prichiny-i-posledstviya.html>

<https://www.youtube.com/watch?v=Vd4TkkZ4wzE>